

НЕДЕЛЯ 4

Раскрываем чувство авантюризма

На этой неделе потребуется выбросить за борт часть личного багажа. Материалы и задания направлены на то, чтобы помочь почувствовать бóльшую свободу, сознательно экспериментировать с открытостью к новому. Вы избавитесь от многих бессознательных механизмов, препятствующих творческому самовыражению, и на пути к этому самовыражению сосредоточитесь на принятии себя.

Авантюризм

Знаем ли мы, что именно любим? Часто кажется, что да. Но точнее признать, что мы знаем лишь часть того, что любим, а сумма всего, что мы любим, гораздо больше слугаемых. Это требует непредвзятого мышления.

Пара часов, проведенных на выставке фотографий XIX века, могут сильнее вдохновить вашего внутреннего художника, чем полгода изучения сложной программы компьютерной графики. Посещение зоопарка может значить для вашего творческого животного больше, чем благонамеренный визит в магазин товаров для занятий творчеством.

Люди по природе своей авантюристы. Посмотрите на ребенка, неверными шагами исследующего свою территорию. Посмотрите на подростка, не желающего возвращаться домой к десяти. Посмотрите на 80-летнюю бабушку, собирающуюся в арт-тур по России. Душа жаждет приключений.

*Смерть будет чертовски
большим приключением.*

ДЖЕЙМС БАРРИ

Когда нет места авантюризму, оптимизм нас покидает. Приключения — не прихоть, а необходимость. Игнорируя тягу к приключениям, мы игнорируем саму природу человека. Часто мы именно так и поступаем, прикрываясь понятиями взросления и дисциплины. Но если становимся слишком взрослыми и слишком дисциплинированными, сидящий в нас проказливый и ребячливый инноватор обязательно взбунтуется. Часто этот бунт принимает форму скорее упрямого чудачества, неопасного рискованного эксперимента. Риск, говорим мы себе, слишком рискован. Избегая риска, мы обрекаем себя на депрессию.

Депрессия сродни эмоциональным зыбучим пескам. Из нее очень трудно выйти. Попытки сделать это изматывают и еще сильнее вгоняют в депрессию. Ее легче избежать, чем от нее избавиться, а избежать можно — правильно, рискуя. Если мы вспомним, что должны заботиться о внутреннем художнике, лелеять и завлекать его, то начнем понимать, на какие именно риски следует идти.

Адель живет в Манхэттене. В хорошие дни она обожает город, его мощь. Цвет кирпичных зданий на улице в Верхнем Вест-Сайде кажется ей каким-то очень зрелым и вдохновляющим. Ей нравятся рамы окон и яркие фрагменты комнат в них. В плохие дни Адель чувствует себя в большом городе как в ловушке. В душе она сельский житель и скучает по открытым пространствам и широким горизонтам, поэтому в городе ощущает клаустрофобию. «Клетка». Чтобы справиться с собой, в такие дни Адель звонит в Клермонтскую академию верховой езды, бронирует лошадь и отправляется кататься верхом.

Клермонтская академия не может похвастаться открытыми пространствами, но может предложить лошадей, запах конского пота и ощущение вызова городу — еще бы, трехэтажные конюшни в Манхэттене! Стоит лишь открыть дверь и сделать шаг в этот затерянный мир, как чувствуешь себя анархистом и мятежником. Именно потому, когда Адель становится скучно, она садится на лошадь и в седле

представляет себя человеком, жизнь которого полна риска и приключений.

Кэролайн — теплое создание, и ее в трудные минуты тянет к красоте. Она уже знает, что ничто не поможет ей воспрянуть духом быстрее, чем поход в хороший цветочный магазин, где дерзкая и грациозная красота выплескивается из десятков ивовых корзинок и ваз. Она редко покупает дорогие цветы — чтобы слегка изменить атмосферу на ее маленькой кухне, достаточно принести туда единственную герберу какого-нибудь неожиданного цвета, но Кэролайн уверена, что время и деньги потрачены не зря. В результате она получает не столько букет, сколько радостное чувство, будто бы вся Земля превратилась — или могла бы превратиться — в чудесный сад удовольствий.

Адам, писатель с мягкими манерами, желая ощутить риск, отправляется в магазин товаров для активного отдыха. Он не может в любой момент встать, бросить работу и уехать на край света, поэтому отправляется в дерзкие воображаемые путешествия. Иногда покупает путеводитель или разговорник и учит несколько фраз на египетском, чтобы суметь добраться до пирамид и обратно. В другой раз планирует поездку, которую действительно может себе позволить, и приобретает «Карманный путеводитель для дневной экскурсии по окрестностям Бостона». Для него важно не столько изменить ту жизнь, которая у него сложилась, сколько знать о возможности сделать это.

«В основном жизнь вполне устраивает меня, но я решаю себе уехать от всего этого», — объясняет Адам. Его душа «хорошего парня» нуждается в терапевтической дозе риска и получает ее, когда он разглядывает новую модель кроссовок для пересеченной местности или буклет о велосипедном туре по Франции. «Кроме того, я люблю фильмы про Индиану Джонса».

Творческое воображение — трепетная субстанция. Ее не взять агрессивным напором, можно только приманить, уговорить, завлечь. Как и в любви, здесь нельзя

Это как вести машину ночью. Видишь только то, что освещают фары, но можешь проехать так всю дорогу.

ЭДГАР ДОКТОРОУ

быть слишком серьезным и слишком торопливым — все испортишь. Приходится флиртовать, строить глазки. Для первого свидания больше подойдут детские книги, чем университетский курс лекций. Если хотите написать роман про изобретателя автомобиля и узнать для этого, как работает двигатель, все необходимое найдете в хорошей детской книге, а открой вы учебник по физике — и интерес улетучится в ту же минуту. «Больше» — хорошее слово, когда относится к тому, что впереди, а не в составе фразы «больше, чем я могу впитать или переварить». Приключение должно быть посильным, а не подавлять.

Дело не в том, что творческое воображение поверхностно: оно скорее избирательно. Если загрузить в воображение слишком много фактов, его механизм, вероятнее всего, остановится, а не ускорит работу. Биограф извлекает крупицы истины из целой горы фактов. Поэт или романист домысливает правду на основании одного-единственного факта. Слишком много фактов, слишком быстро — и вот мансарда художника уже забита вещами и непригодна для жизни. Так больше шансов задушить воображение, чем стимулировать. Творческие вершины покорять гораздо легче налегке, не обремененным тяжеловесным интеллектуальным грузом.

Парадоксально, но факт: чем легкомысленнее мы ведем себя в творческой жизни, тем более серьезную работу можем выполнить. А чем большее бремя на себя взваливаем, чем более ограниченными чувствуем себя, тем более уязвимыми станем перед лицом творческих неудач.

Довольно часто настоящие художники оказываются очень увлеченными людьми. Режиссер Майк Николс разводит арабских скакунов. Коппола выращивает отличный виноград. Писатель Джон Николс — заядлый наблюдатель за птицами.

Чтобы творить, ты должен избавиться от всех мыслей о творчестве.

ГИЛБЕРТ ИЗ «ГИЛБЕРТ И ДЖОРДЖ»*

* Гилберт и Джордж (Гилберт Прёш, р. 1943, и Джордж Пассмор, р. 1942) — британские художники-авангардисты, представители постмодернизма, основоположники перформанса и фотоарта. Прославились благодаря «живой скульптуре» — изображали скульптуры самих себя.

Скульптор Кевин Кэннон виртуозно играет джаз на гитаре. Все они любят жизнь во всей ее полноте и живут в согласии с Великим Творцом.

Если раз в неделю играешь в софтбол*, легче примешь сложный мяч в виде негативной рецензии. Если печешь яблочные пироги, не станешь думать, что жизнь художника, да и жизнь в целом, так уж плоха. Если раз в неделю — или хотя бы раз в месяц — танцуешь сальсу, вряд ли будешь относиться к своему творчеству как к способу обрести богатство и известность и считать, что если оно не в состоянии тебе это обеспечить, то грош цена и ему, и тебе.

В свете всего этого я не очень понимаю идею, что «настоящие» художники все доводят до совершенства. При виде слова «совершенство» (подозреваю, что в нашу жизнь его притащили критики) дух спонтанности вылетает в окно. Начинаешь думать, что нельзя считаться великим композитором, если позволишь себе сочинить детям простенькую колыбельную или дурачиться, импровизируя на фортепиано. Мы так преклоняемся перед «великим» искусством, что всегда, хронически недооцениваем себя. Мы так беспокоимся о том, сможем ли играть в высшей лиге, что не играем вовсе.

Сказать, что мне нравится в Боге? Деревья кривые, горы неровные, многие его создания выглядят довольно странно, но он все это сотворил. Не позволил себе думать, что из-за какого-нибудь трубкозуба лишается права заниматься творчеством. У него не опустились руки после того, как из них вышла иглобрюхая рыба. Нет, Бог продолжил свое дело — и продолжает до сих пор.

Карьера многих европейских режиссеров складывалась похоже: от фильмов-манифестов рассерженных молодых людей до грустных шедевров умудренных жизнью мастеров. Послеполуденная сиеста — это военная тайна? Может, просто их *vita* чуть *dolce*? Мы, американцы, переняли у европейцев эспрессо, но не делаем всерьез перерыва

* Спортивная командная игра с мячом, аналог бейсбола.

в работе даже во время кофе-паузы. Чтобы не попасть в глупое положение, предпочитаем вовсе не играть. Стараемся сделать творческое развитие линейным и ориентированным на конкретную цель. Хотим, чтобы «работа» куда-то нас вела, — и забываем, что отклонения не просто отвлекают нас от дела, а служат во благо.

Откуда взялась эта строгость? Мы ей позволили быть. Мы сами ее привели. И даже умоляли ее прийти. Но почему? Потому, что собственное кривлянье и животные выходки ужасно нас пугают. Мало что сравнится с удовольствием реализовывать свои таланты, и все же большинство из нас держат их на коротком поводке из страха: кажется, если отпустить их, придется заказывать клетку для льва.

В детстве мы могли часами ходить вокруг фортепиано, подолгу импровизировать на нем, изливая в музыку свою душу и делясь юношескими тревогами. Мы играли так много и так часто, что взрослые начинали подозревать наличие у нас таланта, пророчили карьеру музыканта — «если будем достаточно серьезно относиться к делу». И что дальше? Мы стали серьезнее. Начали репетировать, а не играть. Стремиться к совершенству, как к святому Граалю. Конкурировать. Мы окончили музыкальную школу, потом мастер-класс известного исполнителя, потом интенсивно занимались с преподавателем... и в итоге карьера вполне удалась. Но за это время остыл энтузиазм. Музыка стала чем-то, в чем мы совершенствуемся. Мы превратились в музыкального акробата, пальцы которого летают по клавишам с поразительной быстротой, исполняя фантастические трюки, — но что такое полет, забыли.

Все, что стоит делать, нужно делать, пускай даже плохо.

Но мы ненавижим *эту* идею. Нет, только начиная, мы с ней согласны, но по мере совершенствования мастерства постепенно об этом забываем. Использовать метод проб и ошибок становится ниже нашего достоинства. И все же он полезен. Он выдергивает коврик из-под нашего чувства серьезности. Нет у нас никакого укрытия, за которым можно

Оригинал — это творение,
мотивированное желанием.

МАН Рэй

спрятаться, вычисляя правильные шаги. Что тут выяснять? Богу хватило скромности, чтобы просто дурачиться, пробовать, ошибаться — почему же мы такие серьезные?

Заниматься творчеством ради карьеры так же ужасно, как заниматься любовью, чтобы завести ребенка. Вместо того чтобы наслаждаться процессом, мы фокусируемся на результате, и все остальное превращается в прелюдию. Нужно поскорее покончить с ней и обратиться к главному: нашей Блестящей Карьере.

Сосредоточившись на карьерных целях — материальном благополучии, безопасности, известности, — мы лишаем процесс чувственности. Удовольствие от выхода первого сборника стихов становится удовольствием от Первой Публикации, а не от самой книги: «Приятная бумага. Мне нравится, как получилось». Волнующее событие скорее вызывает мысль «Интересно, как меня примут?», чем «Что я об этом думаю?».

Теперь все сводится к совершенству и восприятию нас другими людьми, а не к радости творчества и игре идей.

Когда творчество выхолащивается до расчетливых карьерных шагов, мы сами становимся выхолащенными и расчетливыми. Не самые плохие качества для героя детектива, но в таком случае придется нанять его для поиска радости.

Творческое воображение скорее скачет с камня на камень, чем плавно поднимается к вершине скалы на подъемнике. Правильная ассоциация — считать творческое «я» молодым любопытным животным. Оно сует свой нос всюду. И нашему творческому животному нужно предоставить такую же свободу. Книга о нормандском завоевании может не привести вас ни на какие мысли — или привести, но при этом они не будут иметь ничего общего с тем, что вы думали, приступая к чтению. Можно заинтересоваться Робин Гудом, но в итоге начать писать дневник Девы Мэрион. Чем сильнее ваш аппетит к приключениям, тем более авантюрный набор творческих элементов окажется в руках, когда вы приступите к работе. Не много нужно, чтобы разжечь воображение,

*Плох тот повар, который
не облизывает себе пальцев.*

Уильям Шекспир

но это всегда вопрос, ответы на который могут быть весьма эксцентричными. Джорджия О'Киф написала как-то домой: «Из одной разбитой тарелки у меня получилось несколько картин». Кто-то другой просто подмел бы осколки. Не торопитесь: вы можете не знать, на что отзовется ваша душа.

Палочки и камни, мрамор и павлиньи перья, округлая галька на речном берегу — любая мелочь вдруг может заговорить с нами на одном языке. Мы напоминаем бродяг, бредущих по кромке прибоя и собирающих все мало-мальски ценное, что выбросило море, поскольку случайная вещь может поведать историю, которую мы захотим передать миру. Вот почему мы называем творчество «призванием» — мы призваны ответить на этот запрос. В качестве импульса выступает интуиция. Нужно учиться следовать интуиции, а не подавлять ее. Она ключ к творческому раскрытию.

«Я хотел как можно больше узнать об этом городе, — вспоминает Кентон. — В конце концов, я жил здесь, но знал о нем немного. Не имел представления, что происходило в былые времена. Какие районы появились первыми. Какие случались ключевые события. У меня была отличная новая работа в отличном новом городе, но я был одинок, и захотелось пустить корни тут».

Следуя этому импульсу, Кентон принялся исследовать архитектурный отдел ближайшего книжного магазина. Он нашел книгу по архитектуре Викторианской эпохи и выяснил, что в его районе было очень много старинных домов, перемежавшихся зданиями в стиле модерн. Замечая то необычный карниз, то портик, Кентон понял, что город может предложить гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Затем он отправился в букинистический магазин, в котором обнаружил полку с книгами местных авторов. Его внимание привлекло руководство по реставрации, которое он купил за 50 центов. В следующее воскресенье Кевина можно было встретить в ближайшей библиотеке на лекции «Наш исторический район: неизвестные факты». Там ему в руки

Мне интересна каждая травинка.

Томас Джефферсон

попал флаер на экскурсию по местному ботаническому саду. Правда, во время экскурсии он думал: «Что я тут делаю?» — но оказалось, что именно тогда случилось два судьбоносных для него события. Ему пришла идея фоторепортажа для местной газеты, а еще он встретил интересную молодую женщину, ставшую позднее его невестой.

Готовность положиться на интуицию сродни готовности к новым романтическим отношениям. Первой авантюрой может быть свидание за чашкой кофе, несколько натянутое, но запомнившееся парой моментов, которые намекали на возможность продолжения. Второе приключение — чуть более серьезное: скажем, прощальный поцелуй в щеку. Третье рискованное предприятие может стать началом настоящей страсти: привязанности, от которой не захочется избавиться и которая будет сопровождать нас на протяжении всей жизни. Интуиции нужно просто следовать. Знаком судьбы может оказаться скромный ланч, а не гром фанфар.

*Все мы нуждаемся друг
в друге: нет ничего
ни справедливого,
ни хорошего в одиночестве.*

РАЛЬФ ЭМЕРСОН

ЗАДАНИЕ. *Изобразите себя в масштабе*

Приключение не обязательно должно быть опасным или долгим, чтобы удовлетворить и подпитать нашего авантюрного внутреннего художника. Скорее всего, большинству в жизни и так хватает экстрима. Им полны новости по телевизору и заголовки газет. Поэтому это «авантюрное задание» будет не очень сложным. Приключений достаточно, главное, уметь их видеть.

Отправляйтесь в магазин канцтоваров или товаров для творчества. Купите небольшой блокнот для рисования. Носите его с собой вместе с карандашом или ручкой, чтобы фиксировать мельчайшие приключения, которые случаются в вашей жизни.

Можете набросать интерьер приемной, в которой дожидаетесь вызова к врачу; или автобусную остановку, на которой уже целую вечность ждете автобуса; или кофейную чашку,

пока ваша подружка пудрит носик, — если считать приключением любой такой момент, то вы начнете воспринимать свою жизнь наполненной интересными сюжетами и персонажами, при этом дающей вам время и возможность на них сфокусироваться. Не нужно уметь хорошо рисовать, чтобы получать удовольствие от этого процесса.

В то лето, когда мне исполнился 21 год, такой блокнот я носила с собой по всему Нью-Йорку. Сохранился неумелый рисунок, сделанный в офисе моего первого литературного агента, как потом оказалось. На нем изображено кривоватое растение и неудобное кресло для посетителей. Один взгляд на этот набросок возвращает меня в приключение, ставшее началом моей литературной карьеры. Через несколько страниц в том же альбоме лежит портрет моего друга Ника Кариелло. Помню жалобы, что он выглядит на нем слишком старым. С тех пор Ник действительно состарился и «догнал» свой портрет, став таким, каким я его тогда увидела.

Слишком многие приключения, случающиеся с нами, остаются незамеченными. Всему виной темп нашей жизни. Темп и стресс. А альбом позволяет остановить время. Это своего рода экспресс-медитация, способ сфокусироваться на важности каждого проходящего мгновения. Сколь часто главным приключением в жизни становится то, что остается между строк: как мы чувствуем себя в определенный момент и в определенном месте. Этот инструмент поможет запомнить и прочувствовать яркую процессию, проходящую мимо.

Глагол «быть»

Было бы слишком легко относиться к творчеству как к недостижимой цели, идеалу, сопоставление с которым того, чем мы занимаемся в жизни, приводит к горькому разочарованию. Что ж, использовать творчество как дубинку тоже возможно: Богу хорошо известно, как больно мы себя колотим ею.

*Для меня чудо каждый час
дня и ночи.*

УОЛТ УИТМЕН

Наши представления о «великих произведениях искусства» и «великих художниках» позволяют принижать собственные успехи. Стоит начать относиться к творчеству чуть иначе.

Кэтрин была подающей надежды молодой певицей с сильным и чистым оперным голосом. Ее очень любили дирижеры, поскольку она мгновенно реагировала на их указания. Кэтрин окончила лучшую консерваторию страны, училась у самых сильных и уважаемых преподавателей, побеждала в конкурсах и получала прекрасные отзывы критиков. Казалось, она просто создана для блестящей карьеры в оперном мире, если бы не одно «но»: лишь Бродвей заставлял петь ее душу. Словно мадам Баттерфляй, Кэтрин страдала от неразделенной любви — она пела в опере, но мечтала о Бродвее, — пока не начались проблемы со здоровьем.

«У меня просто не хватило бы духу спеть еще одну трагическую арию. Может, я и была одарена, но хотелось отказаться от этого. Опера оказалась неподъемной — не в вокальном смысле, а в эмоциональном. Меня воспитали для карьеры, которой я не желала, но не решилась протестовать. В результате жизнь оказалась разбитой, а здоровье — подорванным», — рассказывает Кэтрин.

К счастью, она познакомилась с одной старой и мудрой женщиной, которая поинтересовалась, чего та хочет в жизни: признания или счастья? Кэтрин призналась, что ее стремление к оперной карьере было снобизмом, который она и сама терпеть не могла. Собравшись с духом, она высказала заветное желание. «Я отказалась от карьеры оперной дивы и стала счастливой танцовщицей». Обратив все свои амбиции и таланты к бродвейской сцене, она обеспечила себя стабильной работой. Кэтрин смеется: «Когда туфли впору, вы будете их носить — даже если это туфли для чечетки».

Творчество — это не столько то, кем мы могли бы быть, сколько то, кто мы есть. Фокусируясь на самосовершенствовании, мы упускаем то, кем уже стали, а это опасно, потому что именно мы сами — такие, какие есть, — источник нашего

Настало время певчих птиц.

«Песнь Песней»

творчества. Именно мы и делаем свое творчество оригинальным. Стремясь стать лучше, измениться, мы ослабляем себя нынешних — снижая тем самым творческие возможности.

Музыканту с природным мелодическим даром кажется, что для него предпочтительнее музыка с элементами диссонанса и минимализма. Скульптор, предпочитающий малые формы, считает, что его талант не раскроется полностью без огромных и агрессивных работ. Режиссер, рожденный для жанра «правдивого кино», преклоняется перед салонными комедиями, в которых никогда не достигнет совершенства. Художник, покоряющий людей поразительно простыми карандашными рисунками, решает, что к настоящему искусству может относиться лишь живопись масляными красками.

Великий редактор Артур Кретчмер* как-то заметил: «Что творится с писателями? Если что-то дается им легко, они это не уважают. Находят свое призвание — и отказываются от него».

Иногда мы, художники, склонны к самоуничтожению, вроде подростков, не ценящих собственную внешность. Нелюбовь к себе проявляется в том, что мы считаем других лучше и краше нас, какими бы хорошими и красивыми сами ни были. Маленькая темноволосая азиатка хочет быть высокой пухлой блондинкой. Северная богиня хочет карие глаза, а не голубые, и смуглую кожу, как у героинь полотен Гогена. Иными словами, мы не хотим быть теми, кто есть. Комедианты тоскуют по драме; драматические актеры рвутся в комедию. Прирожденные авторы рассказов мечтают получить национальную книжную премию за свои романы; прирожденные романисты хотят писать пьесы. Речь не о том, что мы не можем заниматься больше чем одним делом, но разве одним из них не может быть то, что дается легко и естественно? Почему бы и нет?

Творчество не поддается программированию. Мы не можем превратиться в великих художников, «качая» творческий пресс. Великие художники на самом деле — великие

* Редактор журнала Playboy.

любители, и да-да, от слова «любить». Они отбрасывают жесткие рамки категорий и позволяют себе просто получать удовольствие. Отличный пример — Пикассо. Он видел красоту в жестяной банке, ржавой пружине, горе металлолома. Восхищаясь придорожным мусором, вызывал восхищение своими шедеврами, основанными на любви к простым предметам. Сколько бы мы потеряли, если бы он сказал себе: «Пабло, возьми себя в руки! Ты же маэстро! Никаких жестянок. Думай о Гернике! Думай о серьезном!»

Неудивительно, что именно Пикассо произнес: «Все мы рождаемся детьми. Сложность в том, чтобы ими оставаться». Мы уже говорили, что Моцарту удалось остаться ребенком. Так почему же нам нужно быть такими чертовски взрослыми?

Отказавшись от попыток улучшить себя и решив просто получать удовольствие, мы сильно продвинемся в творчестве. Когда занимаешься тем, что любишь, а не тем, чем следует заниматься, растут скорость, энергия и оптимизм. То, что мы любим, подпитывает нас. Если вы сходите с ума от Шуберта, поиграйте Шуберта — тогда и Лист прозвучит лучше. Если прямо сейчас по непонятной причине вас притягивает все желтое, покрасьте кладовку в желтый цвет и назовите ее солнечной комнатой. Не сопротивляйтесь себе, наоборот, считайте себя главным авторитетом. Предположите, что вы на правильном пути, если при виде амариллисов в окне цветочной лавки в голове мелькнет мысль: «Ох, хорошо бы их купить».

Дети учатся с невероятной скоростью. Если вы наблюдали, как усваивает знания ребенок, должны были заметить, что он переключается с одного интересного ему предмета на другой, жадно утоляя аппетит к разным вещам: кубикам, цветным карандашам, легио, сочетая их друг с другом, экспериментируя. Пытаясь задавать жесткие рамки своему внутреннему художнику, мы забываем, что он ребячлив и капризен. Приманивание действует лучше, чем ограничение свободы. Любопытство способно завести дальше, чем план. Серьезно подходить к творчеству — все равно что пытаться играть всерьез, притом что игра — по определению занятие несерьезное.

Будьте своим внутренним светом.

Будьте своей собственной надеждой.

Храните верность себе как единственному источнику света.

БУДДА

Романтический характер искусства определяется сочетанием красивого и странного.

УОЛТЕР ПАТЕР

Чтобы быть художником, вы должны научиться позволять себе быть. Прекратите становиться лучше. Начните ценить то, какой вы уже есть. Делайте то, что просто радует вас без видимой причины. Поддайтесь искушению, нырните в странную арку между домами, купите отрез шелка необычного цвета, который вы никогда не носили. Сделайте из него скатерть, поставьте на нее свою герань, украсьте чем-то — позвольте себе вести себя вызывающе. Ломайте стереотипы. Множество великих художников работали в пижамах. И Эрнест Хемингуэй, и Оскар Хаммерстайн писали стоя, потому что им это нравилось.

Иногда мы продвигаемся в творчестве и личной жизни гораздо дальше, если разрешаем себе немного позаниматься тем, что получается легко и естественно. Если вам нравится рисовать лошадей, хватит рисовать кресла. Если любите балет, пусть современный джаз станет чьим-то еще зимним видом спорта. Если вас тянет к Бродвею, попрощайтесь с Шопеном.

Покраска стен на кухне — творчество. Привязывание колокольчиков на школьные ботинки вашего ребенка — творчество. Перестановка в кабинете — творчество. Выбрасывание хлама из кладовки — творчество. Ничто из этого не взорвет цивилизацию, но зато порадует, улучшит наш мир и за счет небольшого увеличения всеобщего счастья чуть-чуть поможет той самой цивилизации. Самовыражение, а не самоограничение и самоанализ, делает нас здоровее и счастливее. Колокольчики на шнурках, сонеты в классе. Между ними не такое уж большое расстояние. Написание романа и субботняя уборка в кладовке — занятия творческие, одно более масштабное, другое менее, но оба основаны на самовыражении.

Часто более дружелюбная и легкая форма творчества позволяет преодолевать скользкие склоны с юмором и оптимизмом.

Художники разного уровня мастерства приравнивают трудность к добродетели, а легкость считают чем-то

неприличным. Мы не привыкли радоваться легкости и полагаться на свой дар. Вместо этого твердо намерены работать над теми областями, где сталкиваемся с трудностями. Мы называем это самосовершенствованием — и это здорово, иногда действительно удастся что-то улучшить, но, если мы отказываемся от эксплуатации своих талантов там, где это сделать легко, лишаем себя возможности самовыражения. У любого из нас есть ограниченное количество поводов для искренней радости, и художнику довольно опасно игнорировать естественные привязанности и склонности.

Речь не о том, чтобы отвернуться от высокого искусства. Наоборот, стоит весело помахать ему, как машут знакомому из окна автомобиля, заметив его на обочине.

*Сегодня не любой другой
день, ты знаешь.*

Льюис Кэрролл

ЗАДАНИЕ. *Позвольте себе быть*

Серьезность — враг спонтанности. Что нам «следует» любить и что мы любим — часто очень разные вещи. Позвольте себе вспомнить позабытые анархистские удовольствия. (Многие французские романтические связи длятся дольше брака. Почему? Потому что относятся к «запретным удовольствиям».) Возьмите ручку и закончите следующую фразу десятью разными вариантами:

Втайне я хотел бы _____

Вы только что забросили сеть мечты и выудили из подсознания некоторые тайные и запретные желания. Снова возьмите ручку и в течение 15 минут записывайте все, что взбредет на ум в связи с одним из них. Что бы вы чувствовали, делая это? Где бы этим занимались? Кому бы еще это понравилось? Что бы вас удивило? Сделайте это мысленное кино максимально ярким. Добавьте массовку и декорации. Источником начинаний часто становится воображение. Как сказала об этом Стелла Мартин: «Попроси, поверь, получи». Подарите себе проработанную концепцию одного из тайных желаний.

Новое против старого

*Нужен интеллект, чтобы
признать непрочность
нашего положения в этом
мире, и мужество, чтобы
не впасть в отчаяние
из-за этого факта.*

РОБЕРТ СТИВЕНСОН

Мы, художники, — инноваторы. Мы исследуем и экспериментируем. Мы делаем новые вещи — ну, или как минимум делаем их по-новому. Каждый рисунок хоть на волосок продвигает нас в деле накопления опыта и закрепления навыков, даже если это просто копирование работы старого мастера в классе. Каждый раз, когда пианист играет Франка или Бетховена, интерпретирует Дебюсси, он вносит в работу какие-то личные нюансы. Новая постановка старого балета, миллионный спектакль «Ромео и Джульетта» в школьном театре — каждое проявление творчества вдыхает что-то новое и в произведение, и в мир в целом. Даже когда делаешь то, что «уже было сделано», рождается новая творческая энергия. А если мы сознательно изучаем и расширяем творческую территорию, степень новизны усиливается многократно.

У некоторых людей стремление к новому в крови. Другие — консерваторы по своей природе. Мы, художники, чаще всего относимся к первым. Те же, кто работает с нашими произведениями — агенты, менеджеры, издатели, галерейщики, кураторы, продюсеры, — чаще всего ко вторым. Нам не стоит быть настолько инновационными, чтобы жечь за собой мосты, нельзя также позволять консерваторам быть настолько консервативными, чтобы мы тратили жизнь на укрепление уже построенных мостов. Консерваторы сфокусированы не на расширении границ, а на охране знакомой территории вопросами «как это сделано», «вписывается ли это в формат», «что будет продаваться». Они говорят не о том, как по-новому раскрасить мир, а о том, как он уже раскрашен. Они говорят о том, что «работает», а не о том, что «могло бы сработать». Они говорят вещи вроде «так дела не делаются».

Консерваторы пытаются убедить художников, что то, «как это делается», эквивалентно тому, «как это должно быть сделано». И часто убеждают в невозможности реализации мечты. При этом приводят цифры, «доказывающие», что

все шансы против нас. Но они забывают то, что знаем мы, художники: низкие шансы не означают невозможности успеха. Никогда не означали и никогда не будут означать. Когда доказывают обратное — это просто тактика запугивания. Фраза «напугать до безумия» довольно точна. Если позволить консерваторам терроризировать нас, они способны запугать до безумия — так, что мы не сможем воспользоваться стремлением к новому, которое всегда поможет найти еще один способ раскрасить мир.

Мы, художники и инноваторы, всегда должны спрашивать: «Как *можно* это сделать?» Всегда искать и находить еще один способ издать книгу, снять фильм, поставить пьесу, всегда думать не о том, как это *делается*, а о том, как это *может быть* сделано. Мы отвечаем не за проблему, а за ее решение. Нас заботит, как создавать новое, а консерваторов — что делать с уже имеющимся.

Когда Джин познакомилась с Гордоном и вышла за него замуж, она уже была состоявшимся художником с активной и разнообразной карьерой. Ее любимыми направлениями были живопись, скульптура и фотография. Она легко переключалась между ними и наслаждалась работой. «Тебе нужно специализироваться на чем-то одном, чтобы продавать себя, — торжественно заявил ей Гордон. — Ты не можешь реализовывать все свои прихоти. Это не бизнес».

Слова «опытного» мужа произвели на Джин большое впечатление, и она, испугавшись, развернула карьеру в соответствии с его, а не своими желаниями. Все десять лет их брака она делала то, что ей говорили, причем, по настоянию мужа, очень сфокусированно. Джин не чувствовала себя счастливой, но карьера ее была успешной, хотя и не отличалась творческими прорывами. Потом у нее началась депрессия, в результате — развод. Когда муж внезапно оставил ее, заявив, что *он* чувствует нехватку кислорода, Джин почувствовала себя свободной. После нескольких месяцев метаний она решила вернуться к своим разнообразным творческим интересам.

*Никогда не скажешь,
сколько достаточно,
пока не увидишь, что уже
слишком много.*

Уильям Блейк

«Прежде я определяла себя слишком узко, лишь как живописца. Но у меня много разных художественных навыков, которые приятно применять». Джин была профаном в технике, но теперь начала овладевать компьютером, научилась делать макеты и новостные рассылки. К ее радости, люди были готовы за это платить. Так родился успешный дизайнерский бизнес.

Мы, художники, скорее похожи на изобретателей-одиночек, чем на тех, кто занимается массовым производством товаров, созданных на базе изобретений. Конечно, мы можем делать и то и другое, но в душе предпочитаем первое. Мы создаем рисунок, который может позже стать поздравительной открыткой, постером или частью календаря, но основа изобретения принадлежит нам. Нам нравится проверять, «взлетит» ли идея. Мы, как братья Райт, создаем продукты, из которых вырастают целые отрасли. Нас интересует скорее то, что может быть сделано, чем то, что не может.

Некоторые агенты, менеджеры, продюсеры, дилеры и кураторы сами относятся к инноваторам и творцам. Они привносят в нашу работу собственную инновационную струю — но большинство этим похвастаться не могут. Будучи консерваторами, они ориентируются на то, что продается, а не на то, что может продаваться. Они чаще видят минусы, чем плюсы. Они больше стремятся к прогнозируемым объемам продаж, гарантированным доходам и прибыли в краткосрочной перспективе, чем к долгосрочному удовлетворению от отлично выполненной работы и уверенности в правильной реакции рынка на нее.

Мы, художники, очень хорошо знаем: часто что-то считается невозможным до тех пор, пока кто-то это не сделает. Кто-то из нас время от времени решает чуть отодвинуть забор и расширить доступное ему — и нам всем — пространство. Постановка *Snowboat* серьезно потрясла музыкальный театр. В *Oklahoma!* и *Carousel* были показаны реальные истории и персонажи, которых по праву можно считать полноценным драматическим материалом. Начиная

с Роджерса и Хаммерстайна мюзиклы перестали рассказывать исключительно о любви и стали затрагивать серьезные проблемы и идеи. Эти художники смогли передвинуть забор и предоставили в наше распоряжение еще больше творческого пространства.

Как ясно показывают подобные примеры, мы, художники, должны в первую очередь внимательно прислушиваться к себе и лишь во вторую — к внешним советчикам. Это не просто духовный закон — доверять своему тихому внутреннему голосу: это и хорошая бизнес-практика. Танцевать на пересечении коммерции и творчества нелегко, и мы, художники, должны вести в этом танце. Покажите своему дилеру, у которого активно просят продолжение последней серии работ, новое направление в своей живописи, и услышите обеспокоенное и удручающее «м-м-м». Не дайте себя одурачить. Он не может видеть то, что можете чувствовать вы, художник; не может знать, что выбранное вами направление станет тем, в котором скоро развернется весь рынок. Если художник готов двигаться по кривой обучения, все направления приведут к чему-то стоящему.

Мысль о том, что успех влечет за собой новый успех, стала банальностью в мире искусства. Проблема — понять, из чего успех складывается, и для художника он может заключаться скорее в создании чего-то нового и необычного, чем в повторении уже сделанного. В работе над произведением, привлекающим нас самих; в следовании своим меняющимся интересам, а не пожеланиям рынка. Мне говорили, что «рассказы не продаются», а потом оказывалось, что очень даже продаются. Мне говорили, что «пьесы-воспоминания не работают», а я получала за них награды. Мне говорили «никогда не пиши роман от первого лица», а выход такого романа сопровождался благоприятными рецензиями и хорошим приемом, не говоря уже о том, что приносил личное удовлетворение.

Арт-бизнес — это машина, но художник — та живая искра, которая приводит ее в движение. Искру можно погасить

*Любой глубокий взгляд
на мир — мистицизм.*

АЛЬБЕРТ ШВЕЙЦЕР

*Совершенство
складывается из мелочей,
но само совершенство
не мелочь.*

МИКЕЛАНДЖЕЛО

чрезмерным реализмом и разговорами вроде «я знаю, ты не захочешь это услышать, но...». Советчики-доброхоты могут досоветоваться до того, что ввергнут нас в творческий кризис, доведут до бесплодия, вызовут внутреннее сопротивление работе. Они забывают, что не смогут продать то, что мы не сделаем, и так часто предлагают нам делать то, что они точно продать могут. Они забывают, что, если глушить наш дух слишком сильно и слишком часто, работа не будет выполнена и продавать точно будет нечего.

Но у нас, художников, есть внутренняя сила, на которую не могут повлиять никакие советчики. И это ключевой фактор.

Консерваторы в общении с художниками всегда оперируют «шансами». Им нравится думать, что они-то в шансах разбираются. Им нравится думать, что они-то знают, что продается, — и это правда, но только до тех пор, пока другой художник не придумает нечто запоминающееся и непредсказуемое, создав новый рынок. Мы, художники, в первую очередь — источники своих работ. Поскольку каждый уникален, рынок при всей его якобы предсказуемости на самом деле способен в любой момент влюбиться в любого из нас.

Говорю это и знаю это потому, что верю и знаю: творчество — из области духовного. «Вера может двигать горы», — сказал нам Христос, и возможно, в буквальном смысле слова.

Мы говорим о Великом Творце, о Христе, но редко вспоминаем, что духовные законы, которым он нас учил, на самом деле — те самые духовные законы, которые имеют отношение к творчеству. «Стучите, и отворят вам», «просите, и дано будет» — не избитые фразы, а духовные законы в применении к материальному воплощению задуманного.

- Просите
- Верьте
- Получите

Мы, художники, постоянно просим о вдохновении. Пример Христа показывает, что мы также можем просить о материальном подкреплении нашего видения: деньгах,

*Я поняла, что расцветила
свою жизнь и события,
которые в ней случались,
сама не зная того.*

Джорджия О'Киф

поддержке, возможностях. Вера, представляющая собой просьбу в сочетании с ожиданием ее успешного выполнения, ничем не отличается от веры мореплавателя, отправляющегося в путь с целью доказать, что Земля круглая. Творческие мечты приходят одновременно с убежденностью, что мы призваны воплотить их в жизнь. И если не сопротивляться Великому Творцу и позволить сделать это для нас и посредством нас, то мы наполнимся духовной силой, способной противостоять «шансам».

ЗАДАНИЕ. *Проведите диалог*

Помимо внешних консерваторов, с которыми мы сталкиваемся в реализации творческой карьеры, есть еще консерватор внутренний, сдерживающий наши наиболее амбициозные импульсы. Наибольших успехов в творчестве достигают те, кто способен выстроить конструктивный диалог между внутренним инноватором и внутренним консерватором. Это практический навык, и его можно тренировать. Возьмите ручку и позвольте двум этим сторонам своей личности подискутировать. Это может выглядеть так:

То, что человек думает о себе... определяет или скорее направляет его судьбу.

ГЕНРИ ТОРО

ИННОВАТОР: *«Мне бы хотелось снова поучиться чему-нибудь. Я десять лет провел взаперти в мастерской. Чувствую усталость и одиночество».*

КОНСЕРВАТОР: *«Тем, что ты делаешь в этой мастерской, зарабатываешь себе на жизнь. И поэтому не можешь просто уйти».*

ИННОВАТОР: *«Ну, я бы очень хотел это сделать».*

КОНСЕРВАТОР: *«А как насчет поездки куда-нибудь раз в неделю? На это можно найти время, а если выберешь правильное место, получишь массу новых впечатлений».*

ИННОВАТОР: *«Хорошая идея и не такая радикальная, как бросить все. Спасибо!»*

У всех есть ангелы-хранители. Как заручиться их поддержкой? Просите. И благодарите.

Софи Бернхэм

Все успешные карьеры в искусстве строятся на подобных диалогах. Карьера приобретает форму, когда мы одновременно двигаемся вперед и не забываем то, где уже побывали. Это вроде садика, за которым нужен терпеливый уход, чтобы не осталось без внимания ни одно растение.

Проверка

- 1. Сколько раз на этой неделе вы писали утренние страницы?** Если какой-то день пропустили, то почему? Что испытывали, когда писали их? Бóльшую ясность? Более широкий диапазон эмоций? Бóльшую отстраненность, целеустремленность, спокойствие? Удивило ли вас что-нибудь? Есть ли какие-то повторяющиеся проблемы, над которыми вы размышляли?
- 2. Было ли у вас на этой неделе творческое свидание?** Почувствовали себя лучше после него? Что делали и что при этом ощущали? Помните, что творческие свидания могут быть трудны, возможно, придется заставлять себя отправляться на них.
- 3. Были на еженедельной прогулке?** Как ощущения? Какие эмоции вы испытали, какие идеи пришли в голову? Получилось ли погулять больше одного раза? Как прогулка отразилась на степени вашего оптимизма и чувстве перспективы?
- 4. Столкнулись ли вы на этой неделе с какими-то иными проблемами, важными с точки зрения процесса самораскрытия?** Опишите их.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

